ЭКЗАМЕН НА 8-Й РАЗРЯД (байка третья)

(Продолжение. Начало в РЭТ №4, 2003 г.)

Геннадий Гендин (Москва)

В самом начале организации службы ремонта телевизоров нашу единственную, первую мастерскую из-за отсутствия вышестоящих структур отнесли к общей «Службе быта». А по положению, даже для самых квалифицированных работников этой службы наивысшим рабочим разрядом был 6-й разряд. Хотя на ряде оборонных заводов и в «почтовых ящиках» для наиболее высококвалифицированных рабочих предусматривались еще два разряда – 7-й и 8-й.

Впрочем, обладателей 8-го разряда было наперечет, и они составляли «элиту» рабочего класса. Получить 8-й разряд было совсем не просто, и для этого было необходимо сдать экзамен специальной отборочной комиссии, в состав которой, помимо руководства подразделений самого предприятия, обычно входил представитель от «своего» министерства.

Все наши 15 ремонтников к тому времени уже были «шестиразрядниками», а когда, наконец, у нас появилась своя вышестоящая организация в виде «Госрадиотреста», нам, как представителям новейшей технически сложной профессии, разрешили присваивать наиболее квалифицированным ремонтникам два высших разряда.

Среди «нахальных» претендентов, пожелавших сразу получить 8-й разряд, минуя 7-й, оказалось кроме меня еще двое, и в их числе – Жора Ильченко.

Жора, надо сказать, был личностью неординарной, резко выделявшейся из нашего круга. К нам в ателье он пришел, демобилизовавшись из армии, где служил в одном из подразделений новейшего рода войск – радиолокации. Был он высокого роста, необыкновенно худой, а потому всегда сутулившийся. Говорил он очень редко и очень мало, обычно приходил на работу, забирал, не разглядывая, все наряды, сколько бы их ему ни давали, так же молча уходил, а назавтра приносил все наряды выполненными.

Я не помню ни одного случая, когда бы он вернул наряд с неотремонтированным телевизором. Но самым поразительным было его техническое оснащение. У всех нас неотъемлемой частью экипировки был здоровенный «чемоданчик», битком набитый лампами, электролитами, всевозможными «строчниками» и «блокингами» от разных моделей телевизоров, не говоря уже о резисторах, конденсаторах и прочей мелочевке. А Жора умудрялся обходиться маленьким портфельчиком, в котором, кроме тестера и паяльника, практически ничего не было, разве что две-три наиболее «ходовые» лампы для ремонта гарантийных телевизоров. Что же касается телевизоров послегарантийных, Жора предпочитал заботу о подлежащих замене неисправных лампах и других деталях поручать самим владельцам телевизоров.

Теперь самое время рассказать о другой нестандартной личности в нашем небольшом и исключительно дружном коллективе. Такой личностью был наш новый главный инженер, пришедшей к нам в ателье по распределению после окончания института связи. Звали его Георгий Павлович Самойлов, и, возможно, многие ремонтники старшего поколения знают его по целому ряду книг на телевизионную тематику.

С первой же минуты его появления у нас за ним твердо закрепилось прозвище «американец». Оно было впервые произнесено вслух Жорой и настолько точно схватывало самую сущность Георгия Павловича, что уже невозможно было представить его отдельно от этого определения.

Стройный, подтянутый, всегда (в отличие от Жоры) безукоризненно выбритый, с тщательно вывязанным модным галстуком, идеально отглаженными стрелками брюк, он действительно выглядел американцем, какими мы в те годы представляли их себе, ориентируясь в основном на модные журналы. Последним штрихом в этом портрете были супермодные, на толстенной подошве, типично «американские» башмаки желтой кожи. На этом фоне даже его слегка (совсем чуть-чуть) гнусавая речь представлялась вполне «объяснимым» акцентом.

Надо ли говорить, что Жора и Георгий Павлович сразу же, без всякого повода, невзлюбили друг друга. И поэтому вполне естественно, что Георгий Павлович высказался категорически против предоставления Жоре права на соискание 8-го разряда, хотя против двух оставшихся кандидатур он в принципе ничего не имел.

Но тут Жора, ко всеобщему удивлению, решил проявить характер и потребовал, чтобы Самойлов предоставил веские доводы в оправдание такой дискриминационной позиции. А поскольку таких доводов не оказалось, директор ателье, во избежание разрастания конфликта, своей властью разрешил Жоре принять участие в экзамене на общих основаниях.

Экзамен был назначен на следующую неделю. В состав комиссии вошли директор ателье, начальник группы разъездных техников, председатель профкома, секретарь партгруппы и некий представитель вышестоящего Госрадиотреста. Возглавлял комиссию и проводил аттестацию, естественно, Георгий Павлович.

Экзамен состоял из двух совершенно пустяковых теоретических вопросов, – к примеру, как работает радиолампа, каковы правила оказания первой помощи пострадавшим от удара электрическим током, как устроен кинескоп, на каких частотах размещены три московских телеканала и тому подобная дребедень. Этот этап чистилища мы все трое прошли беспрепятственно. Но самая трудная и существенная часть испытания состояла в том, что для каждого из абитуриентов в телевизоре «Т-2 Ленинград» Георгий Павлович самолично создавал искуственную неисправность повышенной сложности, а нам предоставлялось ровно 10 минут на то, чтобы ее найти и устранить.

Надо сказать, что телевидение Георгий Павлович знал отменно, поэтому нам пришлось предельно мобилизоваться, чтобы уложиться в отведенное время. Последним это испытание предстояло пройти Жоре.

Зная о взаимных симпатиях Самойлова и Жоры, мы с неподдельным интересом и предвкушением неожиданностей ожидали развязки этой коллизии.

Жору попросили выйти из комнаты, Георгий Павлович, вооруженный отверткой, паяльником и тестером, долго «колдовал» внутри ящика, после чего Жору попросили вернуть-

ся и подойти к телевизору. Георгий Павлович еще раз напомнил, что на все – про все у Жоры есть 10 минут и что он имеет право пользоваться любой технической документацией и любой измерительной аппаратурой. После этого он демонстративно снял с руки свои часы, внимательно посмотрел на циферблат, положил часы перед Жорой и сказал, что время пошло. Затем сел на председательское место, откинулся на спинку и небрежно закинул ногу за ногу.

Жора неспеша поднялся со стула, повернул ручку выключателя и убедился, что телевизор «мертв» так, что мертвее не бывает. Затем он также неспешно снял заднюю стенку, с головой погрузился в чрево телевизора, прихватив с собой только одну отвертку, и пребывал внутри этого чрева не менее трех минут. После этого он вылез из ящика, внимательно посмотрел на Георгия Павловича, сел на свой стул, закинул ногу за ногу точно так же, как это сделал Самойлов, подпер голову рукой и, уставившись в потолок, глубоко задумался.

– Ну, что, Жора, ты нашел неисправность?

– Я, Георгий Павлович, должен хорошенько подумать.

– Так думай побыстрее, время идет.

Прошло еще не менее двух томительных минут. Среди членов комиссии началось движение и перешептывание. Теперь уже наш директор вступил в действо.

– Жора, чего ты сидишь? Возьми хотя бы тестер, померь режимы!

– Я, Сергей Давыдович, должен еще подумать.

– Сколько же ты собираешься думать? Ведь уже прошло 7 минут!

– Я же сказал, мне надо еще подумать.

И он снова сосредоточенно уставился в потолок. Еще через пару минут Георгий Павлович встал с кресла, подошел к столу, взял в руки часы и объявил:

– Пошла последняя минута!

Жора тяжело поднялся со стула, глубоко вздохнул и выразительно развел руками.

– Ну так что, ты собираешься что-либо делать?

– Боюсь, Георгий Павлович, что уже не успею.

– Вот видишь сам, Жора, что для получения восьмого разряда надо еще дорасти.

– Полностью с Вами согласен, Георгий Павлович, полностью согласен. Но если Вы не возражаете, хотя бы ради удовлетворения моего чистого любопытства, не подскажете, что же это за дефект такой, что я не смог найти?

– Представь себе, что дефект не такой уж и сложный. Даже для шестого разряда.

С этими словами Георгий Павлович взял из дежурного набора две лампы, заглянул внутрь ящика, что-то там поколдовал, затем обошел стол спереди, щелкнул ручкой выключателя и в позе победителя стал ждать, пока прогреются лампы. Однако лампы прогрелись, но телевизор оставался безжизненным.

Искренне удивленный этим обстоятельством, Самойлов выключил телевизор, еще раз заглянул внутрь, опять включил его, но ничего не изменилось.

Тогда Жора встал со своего стула, перешел к столику комиссии, сел в кресло Георгия Павловича, закинул ногу за ногу, демонстративно снял с руки свои часы и положил их на стол перед членами комиссии.

Самойлов тем временем занервничал, начал торопливо что-то переставлять внутри футляра телевизора, но никаких последствий эти его действия не возымели – телевизор продолжал изображать из себя труп.

– Георгий Павлович! – подал вдруг голос Жора. – Может, воспользуетесь соответствующей технической литературой или любыми приборами? А то ведь время идет.

Самойлов стал краснее вареного рака и продолжал судорожно крутить ручки регуляторов. А Жора демонстративно взял часы, посмотрел на циферблат и, как бы ни к кому не обращаясь, произнес:

– Впрочем, еще есть три минуты чистого времени.

На Самойлова было жалко смотреть. Он схватил стоявший рядом тестер и начал быстро проверять напряжения в контрольных точках. Все напряжения были в норме, но телевизор стоял насмерть, как партизанка Зоя Космодемьянская.

– Увы, десять минут истекли! – изрек Жора. – Так что будем делать?

– Вероятно, в телевизоре возникла какая-то новая сложная неисправность, для устранения которой потребуется более тщательное исследование..., – пробормотал Самойлов. – Я думаю, что будет правильно предоставить Жоре возможность повторить попытку на другом телевизоре...

– А может, я попробую взглянуть?

Жора встал с кресла, обошел телевизор сзади, не глядя на него, засунул руку внутрь ящика, буквально через пять секунд вынул ее и, обращаясь к Самойлову, сказал:

– Может, попытаетесь включить его еще раз?

– Для чего?

– А вдруг произойдет чудо?

С этими словами Жора повернул выключатель, и через полминуты экран телевизора засветился, на нем появилось изображение диктора, который приятным голосом произнес:

– Добрый вечер, дорогие телезрители! Начинаем наши вечерние передачи!

* * *

Целый год после этого мы тщетно одолевали Жору с требованием открыть нам свою тайну, но он постоянно отнекивался, заявляя, что он и сам был удивлен не меньше нас таким финалом.

– Кончай трепаться! Мы тебе клянемся, что американцу не расскажем. Так что же произошло?

Но Жора был неумолим. И только спустя много времени, когда он собрался переходить из ателье в НИИ радиолокации, на прощальном вечере мы его «раскололи».

Оказывается, «шутка» Георгия Павловича состояла в том, что вместо двух исправных ламп он вставил две другие с полной потерей эмиссии, причем таким образом, что поочередная их замена ничего не меняла, а надо было заменить сразу обе.

Жора выяснил это в первую же минуту, выключил телевизор, заменил обе лампы на новые, после чего снял переходной тридцатиконтактный разъем между основным шасси и блоком выпрямителей, оторвал малюсенький кусочек бумажки, проложил его между ножом и розеткой в разрыв минусового провода основного выпрямителя и вместе с бумажкой надел разъем обратно. На все это как раз и ушло три минуты. А в финальной сцене этого спектакля он просунул руку внутрь ящика, сдернул разъем, вытащил бумажку и снова надел разъем.

* * *

Что же касается Георгия Павловича, он вскоре уволился из ателье. Как принято говорить, «...в связи с переходом на другую работу».

Продолжение следует.